

ЧЕРНЕНКО НЕ ЗА ГОРАМИ

То, что обычно называется «ошибками» и «просчетами» нашей власти, вполне можно назвать и просто глупостью. Власть делает одну «ошибку» за другой - и в Украине, и с монетизацией льгот, и вообще везде. Она стремительно деградирует.

Что же происходит? Почему «верхи» делают одну глупость за другой? В нашей политической системе, в которой все зависит от президента, любой его просчет и ошибка тут же закрепляется и увеличивается его окружением. Если президент скажет какую-то глупость (а от этого не гарантирован никто), то зависящий от него и стремящийся сделать карьеру назначенец будет с ней соглашаться и ее развивать. Даже если он сам при этом - очень умный и все понимает правильно, его ум в том и будет заключаться, что он его глубоко спрячет. Но характер социальной мобильности в нашей политической системе делает само появление умных президентских назначенцев все менее вероятным.

Мобильность в бюрократической иерархии (а вся наша иерархия все более становится бюрократической, у нас даже олигархи назначаются и снимаются) определяется тем, что карьера зависит от воли начальства и, в конечном счете, - от воли высшего начальства, президента. Каковы же критерии выдвижения в такой иерархии? Любой начальник стремится окружить себя людьми, удобными для него и с кем ему легко и приятно работать. Поэтому никто не будет делать своим заместителем или близким сотрудником человека, который может выдвигать какие-то свои идеи, отличные от идей начальника, и их отстаивать. Это - совершенно естественно и даже правильно, власть - это «команда», и она должна работать слаженно. Нельзя, например, порицать Путина за то, что он снял Касьянова и Илларионова, не согласных с его действиями в отношении «ЮКОСа» и не скрывавших это несогласие. Но это же означает, что начальник, даже если у него нет подавляемой неуверенности в себе и комплекса неполноценности, и он не боится ярких и умных людей, все равно не будет делать таких людей своими непосредственными подчиненными и заместителями. Вообще они могут ему даже нравиться, но «на расстоянии». Любой начальник естественно стремится создать себе окружение из людей, которые признают его не просто формальным, но и интеллектуальным и моральным лидером, то есть людей, которые интеллектуально ниже и психологически слабее его.

Эта ситуация усугубляется, если положение самого начальника - не гарантировано. Если начальник сам зависит от других начальников и его могут сменить, то, кроме естественного стремления иметь свою слаженную команду, у него возникает и другое стремление - не допускать рядом с собой людей, которые могут его «подсидеть». Бюрократическая мобильность это систематическое выдвижение наиболее «слабых», «дарвинизм наоборот».

Однако бюрократическая мобильность «по определению» не может распространяться на вершину иерархии. В демократических обществах властные позиции в бюрократии занимают люди, выдвинутые совершенно иначе - народными выборами. В монархических она ограничена тем, что сам монарх - вне этой системы выдвижения. У народов и монархов, во всяком случае, нет оснований слишком бояться умных и ярких министров, и ни в монархии, ни в демократии механизм систематического выдвижения все менее ярких не действует.

В СССР бюрократический принцип мобильности действовал почти безгранично. Хотя генсек избирался практически пожизненно, избирался он узким кругом Политбюро, члены которого не стремились поставить над собой самого сильного и яркого из своих соратников. Выбирался всегда тот, кто казался слабее (Сталин, а не Троцкий, Хрущев, а не Берия). Да и сам генсек не ощущал себя совершенно независимым от Политбюро и обладающим властью принципиально иного происхождения. У генсеков, особенно после свержения Хрущева, были основания побаиваться своих соратников и стремиться, чтобы слишком умные в Политбюро не попадали. Результатом почти неограниченного действия бюрократического принципа мобильности в течение 70 лет было то, что если в начале советского режима во главе страны стоял такой чело век, как Ленин, то в конце встал

такой, как Черненко. Ленин - Сталин - Хрущев - Брежнев - Черненко - это закономерные стадии эволюции, естественного отбора. И только в самом конце, когда маразм достиг максимальной степени, механизм дал сбой - последним генсеком все же стал Горбачев.

Система, которая возникла у нас после 1991 года, в этом, как и во всех отношениях, все больше напоминает советскую. Когда «харизматик» и «революционер» Ельцин решил уйти на покой и найти наследника, он стремился найти человека, от которого, прежде всего, можно было ожидать, что он не будет преследовать его и его семью (судьба Березовского вряд ли его волновала). Человека упорядоченного и организованного, но не «харизматика» и не имеющего каких-то своих «дестабилизирующих» идей. Однако Ельцин все же не искал кого-то, кто очевидно интеллектуально слабее его - уходящий на покой человек уже не боится, что его «подсидят». Механизм систематического выдвижения слабых только начал работать. При Путине, отставка которого или будет очень не скоро, или же будет совсем другой, чем отставка Ельцина, механизм заработал во всю мощь.

Впереди у Путина - полная неопределенность 2008 года, когда ему или придется менять конституцию, чтобы все-таки остаться править и дальше, или поставить декоративным президентом какую-то удобную фигуру и править уже как премьер. Это будет сложная, критическая ситуация, и ему очень нужно, чтобы в этот момент рядом с ним не оказалось никакой слиш ком яркой и самостоятельной фигуры. Замена Касьянова Фрадковым была не только заменой несогласного члена команды на согласного, но и заменой члена команды, который теоретически мог бы сыграть в этой критической ситуации самостоятельную роль и стать соперником, на человека, который не может играть такой роли даже теоретически.

В нагромождении ошибок и просчетов власти, ее все большей беспомощности проявляется закономерный в нашей системе процесс деградации иерархии, мобильность в которой определяется способностью подчиняться, признанием превосходства начальника и безопасностью для него. «Харизматический импульс», заданный революцией 1991 года, был неизмеримо слабее, чем импульс революции 1917 года. Ленин был гигантской фигурой, и путь от Ленина до Черненко занял 70 лет. В 1991 году мы начали не с Ленина, а с Ельцина, и похоже, что насколько несопоставимы эти фигуры, настолько же короче будет наш путь. Черненко не за горами. Он уже виден. Вглядывайтесь в лица, вслушивайтесь в речи.